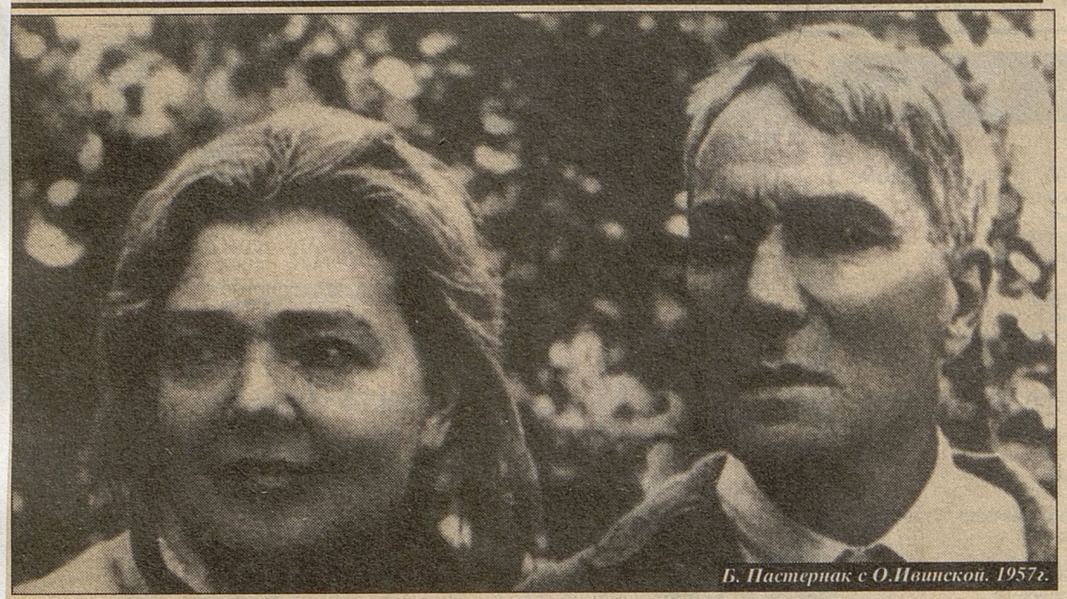
Пастернак Борис Леонидович

14.12.96.



Б. Пастернак с О.Ивинской. 1957г.

Наследие

АНТИСЕНСАЦИЯ

Хорошие рукописи не горят и... не продаются

Культура. – 1996. – 14 дек. – С. 7

Архив Бориса Пастернака не нашел покупателей на аукционе в Лондоне

Владимир СИМОНОВ

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Сколько стоит эта поэзия? "Вы с ума сошли, – ответит возмущенный читатель. – Она бесценна. Это же Борис Пастернак! Его знаменитое "Верую".

Сформулируем вопрос по-другому. Сколько стоит пожелтевший, залитый с левого края чаем лист бумаги, на котором характерным, летящим почерком Бориса Леонидовича сделан набросок этого хрестоматийного стихотворения?

Не надо изумленно поднимать брови. Он стоит от 10 до 15 тысяч фунтов стерлингов. Именно эта цена была проставлена как начальная для рукописи "Верую", а прозаичнее говоря, для "лота № 3" в каталоге лондонского аукционного дома "Кристи".

Фирма получила в свое распоряжение крупнейшее собрание личных документов, принадлежавших поэту. Вместе с рукописями стихов с молотка предполагалось пустить его автобиографические заметки и самое, пожалуй, редкостное и лиричное – интимные письма Бориса Пастернака к его возлюбленной Ольге Ивинской.

История их романа в общем-то хорошо известна. Кому нет, читайте мемуары О.В.Ивинской "У времени в плену". Но история там, оказалось, не вся. На многие детали впервые наталкиваешься в строчках этих страстных, словно прожигающих бумагу посланий, написанных с 1946 года, когда Пастернак и Ивинская нашли друг друга, по 1960-й – год смерти поэта.

Тогда, в 1946-м, Борису Леонидовичу исполнилось уже 56, он был второй раз женат. Со своей стороны Ольга, прелестная 34-летняя женщина, не могла пожаловаться в ту послевоенную пору на нехватку мужской преданности. Ее первый муж покончил с собой, между прочим, именно из-за бурных, запутанных чувств к ней. Ольга вышла замуж за его соперника, тот не вернулся с войны, и к тому памятному дню, когда судьба свела ее с поэтом, она была одинокой "советской труженицей" с двумя детьми на руках, бегавшей на службу в редакцию журнала "Новый мир".

Там Пастернак ее впервые и увидел.

Удар аукционного молотка: "Раз!"

Под ракитой, обвитой плющом,
От ненастья мы ищем защиты.
Наши плечи покрыты плащом,
Вкруг тебя мои руки обвиты.

Я ошибся. Кусты этих чащ
Не плющом перевиты, а хмелем.
Ну так лучше давай этот плащ
В ширину под собою расстелим.

Удар: "Два!" Ракита и плющ, упакованные в лот №3, готовы защитить от ненастья нового заморского хозяина всего за 15–20 тысяч фунтов. Частичку великой русской поэзии в оригинале можно пощупать – не больная ли? – и купить, как голую рабыню...

Но вернемся в прокуренные коридоры "Нового мира". С того мига Ольга стала для Бориса Пастернака не просто его любимой. Но еще и беззаветным другом, соавтором, литературным агентом, опорой в годы травли писателя "широкой советской общественностью" из-за Нобелевской премии. А, главное, его музой.

С Ольги списана Лара в "Докторе Живаго". И каким же поразительно безошибочным пророком оказался Пастернак! После многих лет разлуки Лара, как мы помним, впервые видит Живаго уже в гробу. Как и ее литературного двойника, Ивинскую лишили возможности навещать писателя в мае 1960 года в больнице, где он умирал от сердечной недостаточности и рака легких. Ревность у ворот кладбища. Муза тоже увидела своего поэта лишь на смертном одре.

Зеркальное отражение романа в жизни этим не исчерпывается. Позднее Лара исчезает, растворяется где-то в океане горя, обнесенного колючей проволокой женских концентрационных лагерей. Точно так же исчезает и Ивинская. Через три месяца после смерти Пастернака КГБ арестовал ее вместе с дочкой Ириной "за получение незаконных гонораров" от публикации "Доктора Живаго" за рубежом. Посмертная месть поэту.

Ивинскую осудили на 8 лет работ в Сибири, дочь – на три. Время в лагерях бежало на этот раз куда быстрее, чем в годы первого заключения еще при Сталине. Теперь муза знала – поэт ее не ждет. Нескончаемая череда международных протестов заставила хрущевские власти освободить Ольгу на четыре года раньше срока.

Ей вернули конфискованные рукописи Пастернака. Но не все. Вторая часть "Доктора Живаго", переписка, касающаяся Нобелевской премии, рукопись пьесы – то есть все, что КГБ счел "подрывным", осталось в сейфах Государственного литературного архива. Там эти материалы хранятся до сих пор. Наследникам их вроде бы не возвращают.

Удар аукционного молотка: "Раз!"

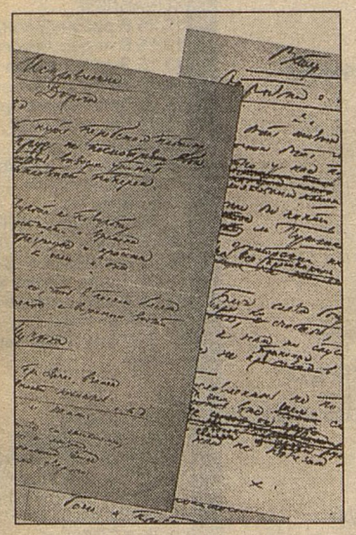
"28 февр. 59

Олюша золотая моя девочка я крепко целую тебя. Я связан с тобой жизнью, солнышком, светящим в окно, чувством сожаления и грусти, сознанием своей вины (о, не перед тобой, конечно, а перед всеми), сознанием своей слабости и недостаточности сделанного мною до сих пор, уверенностью в том, что нужно напрячься и сдвинуть горы, чтобы не обмануть друзей и не оказаться самозванцем. И чем лучше нам с тобой (...) все остальные вокруг меня, и чем бережнее я к ним и чем они мне милее, тем больше и глубже я тебя люблю, тем виноватее и печальнее. Я тебя обнимаю страшно страшно крепко, и почти падаю от нежности и почти плачу".

Удар аукционного молотка "Два!" Вся эта пронзительная печаль любви, этот вскрик сердца накануне смерти, бережно сложенные в папочку лота № 48, должны были потянуть, по прикидке опытных оценщиков "Кристи" на 8–12 тысяч фунтов.

В сентябре прошлого года Ольга Всеволодовна Ивинская умерла в Москве в возрасте 83 лет. Ее дочь Ирина с мужем-литератором Вадимом Козовым – они познакомились, кстати, по тайной переписке в лагерях в Мордовии – после долгих мытарств выехали в Париж. Ирина преподает там русский в Сорбонне. Они-то и надумали продать через "Кристи" часть архива с молотка. В общем, обычная для Запада операция, которая принесла бы наследникам, судя по цифири в каталоге, более полумиллиона долларов. Бог им судья.

...Аукционеры строго предупредили: начало точно в 10.30 утра. За десять минут до того я уже входил в небольшой зальчик конторы "Кристи" на Кинг-стрит.



– Посетителей негусто. На никелированных, обтянутых темно-синим плюшем стульях сидят, по залу слоняются человек 12–15. Одна фигура буквально кричит своей живописностью. Высокий блондин с благородным лбом мыслителя, да еще в шотландской юбке "килт".

– Вы, извините за журналистское любопытство, не потенциальный ли покупатель? – кинулся я ловцом на зверя.

– Понимаете, я не знаю, что я сделаю в следующий час. Даже в следующую минуту, – дружелюбно ответствовал мыслитель.

– Ну а можно узнать, что вас сюда привело, – продолжал я приударять за юбкой.

– Я большой почитатель Александра Солженицына. Солженицын у нас тут в Лондоне был и говорил все по делу, – дохнул на меня шотландец если не смирновкой, то "абсолютом". В 10.30 утра это было очень по-русски. Испытывая невольную теплоту к почти соотечественнику, я не стал разуверять его, что Солженицын и Пастернак – это немножко разное.

И тут началось! Исторический аукцион рванул вперед, как гонки по "Формуле один" в Монте-Карло. Ведущая, – как ее назвать, аукционер? – возвышавшаяся на трибунке, колотила никелированным молотком с частотой отбойного. Торги начинались примерно с половины стартовой цены, потом сумма прыгала на полтысячи-тысячу фунтов вверх и застывала, так и не достигнув той, что была помечена в каталоге. Бил молоток.

Я не спускаю глаз с участников. Картонок с номерками никто не поднимает, два-три пальца, как положено, не выбрасывает. Один почесал нос. Второй перекинул каталог из правой руки в левую. "Тайно сигнализируют!" – смекнул я.

Тут как раз нагрянул черед лота № 48: "Олюша золотая моя девочка..." Цена по каталогу, как мы помним, 8–12 тысяч.

"Четыре! Четыре двести! – зачастила аукционер. – Четыре пятьсот! Пять! Пять! Пять тысяч фунтов!" Она хлопнула молотком.

Я старательно проставлял суммы в каталоге. Выходило, что архив русского барда расхватывают стремительно, но вполцены. Национальное достояние матушки-России пошло по распродаже!

Тут все и кончилось. Мы с коллегами – российскими журналистами поднялись и уныло потащились к выходу. Рукописи великого русского поэта разлетелись, как журавли, по свету.

Но в затылке у меня стучала какая-то неудовлетворенность. Как же это "Кристи" спустил все вопреки каталогу? А Ирина и Вадим Козовы, они что же, заранее дали согласие на уценку?

Я попросил вызвать Феликса де Мареза Оуэнса, шефа международного литературного отдела "Кристи". Меня в "Кристи" немножко по давним встречам знают.

Феликс Мареза Оуэнс уставился на меня, как на марсианина.

– Никаких ставок не было. Никаких покупателей. Никакого интереса, – отрезал он.

– То есть?! – тут уж я на него воззрился. – А кто же поднимал цены? А что же она стучала молотком?

– Понимаете, это прием такой. Чтобы разогреть публику. Вдруг кого-нибудь увлечет волна. Вы просто не обратили внимания: аукционер же не говорила "Продано номеру такому-то"...

Потом Феликс четко, профессионально объяснил, в чем, как он считает, причина провала аукциона. Борис Пастернак – несомненно, великий русский писатель нашего века. Но традиций коллекционирования его рукописей пока не сложилось, энтузиастов таких нет. А вот, скажем, сразу за архивом Пастернака пустили письма Марселя Пруста. Видите, как суетятся девочки у телефонов? Пруст продается. У него есть коллекционеры.

– Так что можете передать российскому правительству, что архив Бориса Пастернака остается пока в распоряжении "Кристи", – поставил точку эксперт. – Если в Москве есть интерес к этому собранию редчайших документов, мы готовы вступить в переговоры.

Я обещал передать.

ЛОНДОН